

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ

1805—1879.

I.

«Воспоминанія Петра Андреевича Каратыгина» были напечатаны въ «Русской Старинѣ» съ 1872-го по 1879 годъ. Изъ нихъ читатели наши ознакомились съ дѣтствомъ, отрочествомъ и артистическимъ поприщемъ недавно умершаго ветерана отечественной сцены. Въ этихъ мастерскихъ разказахъ покойный Петръ Андреевичъ являлся попеременно — то наблюдательнымъ зрителемъ, то дѣйствующимъ лицомъ въ разказахъ, возбуждавшихъ всегда вниманіе и интересъ въ многочисленныхъ читателяхъ. Съ неподдѣльною, свойственною ему веселостью авторъ разказывалъ о забавныхъ эпизодахъ закулиснаго быта — и въ то же время умѣлъ быть трогателенъ и искренно-чувствителенъ, когда велъ рѣчь о нѣжно-любимомъ знаменитомъ братѣ... Однимъ словомъ, сердце и умъ покойнаго вполнѣ согласовались другъ съ другомъ.

Печатаемыми нами стихотворенія покойнаго ¹⁾ служатъ, до нѣкоторой степени, дополненіемъ къ его „Воспоминаніямъ“: каждое изъ нихъ — минута истиннаго вдохновенія проблескомъ патріотизма, чувства дружбы, или невольной добродушной шутки и легкой сатиры. Въ посланіяхъ, куплетахъ и эпиграммахъ мы узнаемъ того же Каратыгина, съ его юморомъ, остроуміемъ и глубокимъ чувствомъ. Искусно владея стихомъ, Петръ Андреевичъ съ 1849-го года обратилъ серьезное вниманіе на эту сторону своего таланта и въ теченіе тридцати лѣтъ написалъ немало стихотвореній, изъ которыхъ большая часть была напечатана, остальные же сохранились въ рукописи.

---

¹⁾ Они сообщены редакціи его сыномъ — Петромъ Петровичемъ Каратыгинымъ, которому покойный завѣщалъ права литературной собственности на всѣ свои сочиненія.

Изъ этихъ рукописныхъ стихотвореній, нѣкоторыя не могутъ быть напечатаны по своему интимному характеру, или по безцеремонности содержанія. Соблюдая строгое приличіе въ кругу общественномъ, покойный былъ чуждъ жеманства въ мужской компаніи близкихъ знакомыхъ — и, не скупясь на экстримты и шуточные куплеты, допускалъ въ нихъ иногда слишкомъ крупную соль... Понятно, что этого рода стихотворенія не могутъ быть достойнѣе печати; да и самъ покойный никогда не придавалъ ни достоинства, ни значенія. Что же касается до эпиграммъ на нѣкоторыхъ дѣятелей міра театральнаго и литературнаго — то мы не желали бы навлечь ими укору на память Петра Андреевича: лица, хотя сколько нибудь знавшіе покойнаго, могутъ подтвердить, что, при сатирической складѣ ума, онъ не упускалъ случая сказать острое слово или эпиграмму — безъ всякой злобы или ненависти къ ихъ предмету. Шутовость не покидала его даже и на смертномъ одрѣ; при малѣйшемъ ослабленіи мучительныхъ, невыносимыхъ припадковъ болѣзни, покойный (быть можетъ, для ободренія окружающихъ его родныхъ) бывалъ и любезно-веселъ и остроумно-забавенъ. Нынѣ, печатая его эпиграммы и сатиры, мы вовсе не желаемъ этимъ доказать, что раздѣляемъ мнѣніе покойнаго, выражаемое въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; но дѣлаемъ это, во первыхъ, изъ уваженія къ его памяти; во вторыхъ, въ сознаніи, что не имѣемъ права отнимать у потомства тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ оно произнесетъ свой приговоръ надъ артистомъ, писателемъ и человѣкомъ. Покойный былъ послѣднимъ представителемъ артистическаго семейства Каратыгинныхъ, которое съ 1794-го года, въ теченіе восьмидесяти пяти лѣтъ, подвизалось на отечественной сценѣ.. Подобныхъ фамилій нельзя вычеркивать изъ лѣтописей русскаго театра.

Независимо отъ сборника стихотвореній П. А. Каратыгина, считаемъ необходимымъ пополнить его автобіографію, уже известную читателямъ — воспоминаніемъ о празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея покойнаго артиста (1-го марта 1873 года) и рассказомъ о его послѣднихъ минутахъ, записаннымъ со словъ очевидцевъ.

II.

Утромъ 1-го марта 1873 г. въ квартиру юбиляра прибыли депутаціи отъ публики и отъ собранія художниковъ. Затѣмъ слѣдовали депутаціи отъ труппъ драматической, оперной и балетной. Ихъ прибытію предшествовала присылка Всемилостивѣйше пожалованной юбиляру золотой медали на андреевской лентѣ. Драматическая труппа, съ В. В. Самойловымъ во главѣ, поднесла Петру Андреевичу адресъ слѣдующаго содержанія:

«Многоуважаемый Петръ Андреевичъ! Сегодня исполнилось полвѣка вашего артистическаго служенія искусству, — служенія, которое встрѣтило глубокое сочувствіе публики и вашихъ товарищей.

«Вашъ талантъ, какъ артиста и какъ писателя, всегда высоко цѣнились любителями русской сцены, а вашъ блестящій умъ и тактъ стяжали вамъ неизмѣнное почетное мѣсто въ обществѣ,—и мы, ваши товарищи, считаемъ долгомъ выразить вамъ нашу душевную признательность за то, что въ продолженіе полу столѣтія вы высоко держали артистическое знамя. — Вы съ справедливою гордостью можете сказать, что имя Каратыгиныхъ пребудетъ незабвеннымъ въ исторіи русскаго театра.

«Поздравляя васъ и нынѣ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ вашей артистической дѣятельности, мы надѣемся, что вы еще долго будете украшать наше общество» (слѣдуютъ поднеси гг. артистовъ въ числѣ пятидесяти).

Тронутый вниманіемъ товарищей, Петръ Андреевичъ отвѣчалъ имъ:

— «Благодарю васъ, мои добрые товарищи и сослуживцы! Я глубоко цѣню ваше любезное вниманіе ко мнѣ, вашъ радушный привѣтъ! Въ нынѣшній знаменательный для меня день, я могу подвести жизненные и служебные итоги: если я не заслужилъ того почта, который нынѣ сегодня оказываете, то смѣю надѣяться, что относительно моихъ сослуживцевъ, какъ прежнихъ, такъ и нынѣшнихъ, въ продолженіе пятидесяти-лѣтней службы моей, я всегда поступалъ какъ честный товарищъ; а потому смѣло теперь могу смотрѣть въ глаза каждому изъ васъ, и, положа руку на сердце, говорю, что совѣсть моя не упрекнетъ меня ни въ одномъ дурномъ поступкѣ противъ васъ... Если же я кого нибудь обидѣлъ иногда моею неумѣстной шуткой, такъ простите старика: это было не злословіе, а празднословіе... «Умъ съ сердцемъ не въ ладу», сказалъ Грибоевъ,—а жить въ ладу съ моими товарищами было постояннымъ моимъ желаніемъ. Еще разъ, благодарю васъ за вашу ласку и вниманіе ко мнѣ!»

Въ пять часовъ особая депутація прибыла къ юбиляру съ приглашеніемъ на торжественный обѣдъ, устроенный въ помѣщеніи собранія художниковъ ¹⁾. Зала собранія, обращеннаго въ зимній садъ, была иллюминирована и украшена въ лавровыхъ вѣнкахъ щитами съ надписями названій всѣхъ театральныхъ піесъ, написанныхъ юбиляромъ. На сценѣ, драпированной занавѣсами, поставленъ былъ, среди цвѣтовъ и зелени, бюстъ Петра Андреевича ²⁾. Среди залы помѣщены были подарки: изящной работы серебряные чайный и столовый сервизы, въ двухъ большихъ шкапулахъ. Вошедшаго въ залъ юбиляра привѣтствовали звуки музыки и громкія ру-

¹⁾ Тогда—въ Троицкомъ переулкѣ, домъ Руадзе.

²⁾ Бюстъ этотъ, нарочно сдѣланный къ этому дню, былъ работы молодого художника П. А. Дылева.

коллекціи; председатель собранія художниковъ поднесъ ему и прочелъ слѣдующій адресъ ¹⁾:

«Петръ Андреевичъ! Поздравляю протекло съ того дня, когда вы, предшествуемые славой, пришеющей уже вашей фамиліи, впервые вступили на поприще артиста. Съ тѣхъ поръ нѣсколько поколѣній—свидѣтели вашего честнаго и неутомимаго служенія искусству.

«Вы служите ему, какъ артистъ и какъ писатель.

«Множество произведеній вашего пера обогатило репертуаръ отечественнаго театра. Участіе ваше въ устройствѣ множества домашнихъ спектаклей во всѣхъ слояхъ населенія столицы, начиная съ царскихъ чертоговъ, служило къ развитію и укрѣпленію въ нашемъ обществѣ любви къ отечественному театру.

«Свѣтанъ и уваженіямъ вашимъ, какъ наставника драматическаго искусства, обязанъ своимъ развитіемъ бессмертный Мартыновъ.

«Наконецъ, личный характеръ вашъ, исполненный добродушія и высокаго благородства, навсегда пребудетъ поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ вступающихъ на подмостки театральнаго міра.

«Привѣтъ и слава вамъ, Петръ Андреевичъ!

«Сердечно чувствуемъ васъ, какъ артиста, писателя и высоко-достоиннаго человѣка».

По прочтеніи адреса, все весьма многочисленное общество приглашено было за обѣденные столы. Подлѣ юбиляра сидѣла его дочь и А. М. Каратыгина. Въ продолженіе обѣда сказаны были рѣчи... но не повторяемъ ихъ, не повторяемъ и описанія этого прекраснаго въ лѣтописяхъ отечественнаго театра праздника, такъ какъ оно въ свое время напечатано въ газетахъ («Голосъ» 1873 г., № 64, и отд. брошюра въ 16 д., стр. 21). Если-же мы привели выше нѣкоторые адреса, поднесенные тогда заслуженному артисту, то именно потому, что въ нихъ характеризуется эта достойная личность и заслуги, ею оказанныя русскому театру и русскому обществу.

¹⁾ Этотъ адресъ, написанный на листѣ бристоляскаго картона, былъ украшенъ превосходно выполненными рисунками профессора А. Г. Шарлеманя и рамкою въ видѣ гирлянды, на которой написаны заглавія всѣхъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ П. А. Каратыгина.

III.

Прошло шесть лѣтъ...

Наилучшъ новыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ окончательно сѣдѣлъ на текущемъ репертуарѣ произведенія Петра Андреевича Каратыгина; годъ отъ году рѣже и рѣже видѣла публика на сценѣ маститаго артиста.

Почти нѣо дня въ день, черезъ шесть лѣтъ послѣ юбилейнаго праздника Петра Андреевича—именно позднимъ вечеромъ 4-го марта 1879 года, у него обнаружались первые признаки неизлечимой болѣзни—органическаго расстройства кровеносной системы вслѣдствіе охрищенія аорты: неукротимое сердцебиеніе, наническій страхъ, отеки конечностей. Домашній врачъ покойнаго, его искренній другъ, Л. А. Гейденрейхъ не скрылъ отъ семейства большаго всей опасности его положенія, требовавшаго постоянного ухода и неслабнаго попеченія. Въ томъ и въ другомъ покойный не терпѣлъ недостатка... Крѣпкая натура больнаго, при содѣйствіи лекарствъ, долго не уступала приступамъ болѣзни... Люты и безжалостны были эти приступы, въ особенности удушье (преимущественно въ ночную пору). Силы страдальца истощались вѣботъ съ его терпѣніемъ. Въ промежутки ослабленія приваждовъ онъ становился веселъ, разговорчивъ, шутивъ—но крѣпкому; самый голось не измѣнялъ страдальцу. Желая приободритъ и утѣшить окружающихъ, Петръ Андреевичъ рассказывалъ имъ о дняхъ юности, о начальныхъ годахъ своей карьеры; принималъ анекдоты, экспромты... устроенныя способности и память не покидали его до послѣдней минуты; но смерть была ему страшна: онъ боялся страданій. Завѣтнымъ его желаніемъ была кончина мгновенная, подобная кончинѣ его отца, Андрея Васильевича, умершаго внезапно, отъ аневризма; но Богу не угодно было даровать ему той же кончинѣ и минуту вѣчнаго успокоенія онъ искушалъ жестью мѣсяцами страшныхъ мученій. Въ первый день свѣтлаго праздника (1-го апрѣля) Петра Андреевича посѣтилъ одинъ изъ близкихъ знакомыхъ. На его вопросъ: лучше-ли больному? страдалецъ отвѣчалъ:

— „Христось воскресъ!“—А вы воскресли?

— «Нѣтъ, все сижу на этомъ креслѣ».

Въ другой разъ, спрашивая у кого-то изъ домашнихъ не исхудалъ-ли онъ отъ своей болѣзни, Петръ Андреевичъ провнесь съ улыбкою:

— Впрочемъ, если у меня вода, то мудро изсохнуть!..

Страдальцу видимо бывало пріятно вызывать улыбку на лицѣ собесѣдника; въ своей веселости онъ старался находить источникъ душевнаго успокоенія. Бывали, однако, зачастую дни, въ которые больнои, сознавая свое безнадежное положеніе, отвергалъ всѣ успокоительныя увѣренія и отвѣчалъ на нихъ насѣшливою улыбкой...

— Я не дитя,—говорилъ онъ при этомъ, — и очень хорошо понимаю, что отъ подобныхъ болѣзней, въ мои годы, не выздоравливаютъ. Не на столько-же я ослабѣлъ умомъ, чтобы не сознавать, что пора мнѣ и на покой... Не Маусангомъ-же мнѣ быть! И какъ пораздумаю, оглянусь на свое прошедшее, слычу съ настоящими, то могу сказать—пора! Артистическая моя карьера давно кончена, литературная — тоже; съ молодыми поколѣніемъ не схожусь; изъ сверстниковъ моихъ никого нѣтъ... Известность свою я пережилъ, давно! И на сценѣ, и въ литературѣ я былъ, въ послѣдніе годы, смѣшнымъ анахронизмомъ!

Эти горькія слова, истекающія изъ глубины сердца старика, сопровождались слезами.

Въ началу лѣта небольшой кругъ добрыхъ знакомыхъ Петра Андреевича перѣѣлъ: одни уѣхали на дачу, другіе за границу. Жаркіе дни мая нѣсколько были особенно мучительны больному; о перѣздкѣ на дачу, при тогдашнемъ его положеніи, нельзя было и думать. Оно лишь къ концу іюня улучшилось настолько, что больного перевезли на Каменный островъ, на дачу, на которой онъ жилъ тринадцать лѣтъ ¹⁾. Свѣжій воздухъ, зелень и мѣсто, къ которому больной такъ привыкъ, оказали на него благотворное вліяніе.... Приближалась осень, очень бурная и ненастная. 24-го августа было наводненіе, немногимъ слабѣе ноябрьскаго въ 1824 году; низменные части и окрестности города (въ томъ числѣ и Каменный островъ) были залиты водою съ трехъ до десяти часовъ по полудни. Эта буря потрясла больного болѣе нравственно, нежели физически: онъ пошѣщался во второмъ этажѣ и вода достигала лишь второй ступеньки лѣстницы, потому быстро пошла на убыль. Тѣмъ не менѣе, Петръ Андреевичъ провелъ безсонный вечеръ и со слѣдующаго-же дня торопилъ домашнихъ возвращеніемъ въ городъ...

Наканувъ перѣѣда онъ, сидя у окна, долго всматривался въ садъ и въ сосѣдніе строенія, оглядывалъ свою скромную комнатку. Не предчувствіе, но полное сознаніе, что ему не суждено болѣе увидѣть эти мѣста, волновало страдальца...

— «Прощай, мой милый, тихій уголокъ, мое гнѣздышко! — произнесъ онъ со вздохомъ. — Спасибо за минувшее, безвозвратное время!»

Къ вечеру онъ былъ перевезенъ въ городъ. Послѣдніе три недѣли его жизни (съ 3-го по 24-е сентября 1879 г.) можно назвать періодомъ мучительной агоніи. Приѣмы хлороформа заглушали приступы удушья, нѣрѣдка смѣнявшіеся то забытостью, то бредомъ. За два дня до кончины больной исповѣдался и приобщился Св. Тайнъ; съ утра воскресенья (23-го сентября) страданія его ожесточились; силы видимо упадали, лицо и глаза приняли мертвенный

¹⁾ Дача г. Байера, бывшая А. М. Каратыгиной.

оттѣнокъ. Въ понедѣльникъ утромъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ одного изъ сыновей и, пожимая ему руку, невнятно произнесъ:

— Умираю!

— Это пароксизмъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Можетъ быть... но мучительный... что мой пульсъ?

Пульса уже не было; удары сердца были замирающіе, перерывистые...

Въ десять минутъ перваго часа по полудни, 24-го сентября 1879 года,

П. А. Каратыгинъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Отечественная печать сочувственно отнеслась къ кончинѣ заслуженнаго артиста; уваженіе къ нему товарищей и публики выразилось при его погребеніи, 27-го сентября. Гробъ былъ украшенъ шестью вѣнками—приношеніями отъ труппъ: русской, французской, нѣмецкой, оперной, балетной, и с.-петербургскаго собранія художниковъ... Немногочисленно было стеченіе публики; не было и десятой доли той громадной массы, которая сопровождала 26 лѣтъ тому назадъ гробъ Василя Андреевича Каратыгина... но тѣмъ не менѣе пріятно было видѣть уваженіе и слезы обоего пола лицъ, удостоившихъ присутствіемъ своимъ скромное его погребеніе. Жалѣли артиста, писателя; жалѣли и человѣка—добраго и честнѣйшаго.

Прахъ Петра Андреевича Каратыгина поконится на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ (малой) церкви св. Троицы, въ группѣ могилъ его отца († 1831), матери († 1859), второй его супруги († 1861) и двухъ дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ († 1838 и † 1851).

О личномъ характерѣ покойнаго не распространяемся: онъ весь, какъ въ зеркалѣ, отразился въ „Воспоминаніяхъ“ Петра Андреевича; какъ человѣкъ, и онъ, конечно, не чуждъ былъ недостатковъ, но не беремся судить о нихъ въ виду свѣжей его могилы и въ сознаніи нашего глубокаго и искреннѣйшаго уваженія къ его памяти и тѣмъ высокимъ душевнымъ качествамъ, которыми покойный умѣлъ привязывать къ себѣ всѣхъ лицъ близко его знавшихъ. Миръ его праху!

Ред.

Л. К. Шульгину, на его отъездъ въ Шенкурскъ ¹⁾

21-го севрала 1849 года.

Шульгинъ! простимся мы съ тобой
По русски, какъ велить обычай:
Прощай, кутила записной,
И здравствуй, новый городничій!
Не все-жъ тебѣ баклуши бить,
Пора, пора зажечь сваче!
Дай Богъ счастливо путь свершить,
Дай Богъ и пользы и удачи!

* * *

Среди Архангельскихъ лѣсовъ,
Тебя да не постигнетъ бѣдство!
Иди-жъ отъ Невскихъ береговъ,
Ты къ морю Бѣлому въ сосѣдство!
Лети, лети, въ великій постъ,
Въ странѣ холодной, полудикой,
Занять теперь свой важный постъ,
Хотя, конечно, не великой!

* * *

Но тамъ, быть можетъ, ты найдешь
Полезныхъ много наслажденій;
Занявшись дѣломъ, отдохнешь
Отъ петербургскихъ тревоженій...
Кто въ маломъ городѣ счастливъ,
Тому не надобно столицы!
Будь честенъ, добръ и справедливъ—
И Богъ воздастъ тебѣ сторицей!

* * *

Прощай, лихои мой кирасиръ!
Ты, отъ пировъ да отъ обѣдовъ,
Перенесешься въ новый міръ—
Въ страну зырянъ и самоѣдовъ...
Но ты вездѣ найдешь людей,
Ты, Левъ Кондратьевичъ, философъ...
Отъ тѣхъ далекихъ дикарей
Пришелъ нашъ славный Ломоносовъ!

* * *

«Все къ лучшему!» сказалъ Панглось;
«Все въ пользу!» говоритъ Писавье...

¹⁾ Левъ Кондратьевичъ Шульгинъ (умеръ около 1863 г.), бывший адъютантъ Я. И. Ростовцева, ротмистръ Орденаго кирасирскаго полка — одинъ изъ ближайшихъ знакомыхъ автора. Былъ городничимъ попеременно въ Шенкурскѣ, Великихъ Лукахъ, Сольцахъ и Порховѣ. Оставилъ по себѣ память вполне доброго и хлѣбосольнаго человека.

И такъ, разстанемся безъ слезъ,
 Другъ другу скажемъ: «до свиданья!»
 Простимся-же, на этотъ разъ,
 Съ виномъ въ рукѣ, по петербургски,
 Авось вспомняешь—и не разъ—
 Ты о друзьяхъ своихъ въ Шенкурскѣ!

ЧИСТЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Бѣжить недѣля разгульная,
 Поджавъ замасленный свой хвостъ;
 Ей, на закуску, выступая,
 Дать киселя великій постъ!
 Какъ послѣ непогоды—море,
 Народъ улегся и молчитъ...
 Лишь грустное Memento mori
 Церковный колоколь гудитъ!

Куда съ похмѣлья людемъ жутео!
 Покаяться пришелъ чередъ...
 И для души и для желудка
 Какой тяжелый переходъ!
 Блины смѣнились грибами,
 Тетерьки, рябчики—трескою,
 Забавы, пѣсни—ирмосами,
 И радость шумная—тоскою!

За дѣло принялся бездѣльникъ;
 Разгулъ скоромный присмирѣлъ;
 Хлопочемъ въ чистый поведѣльникъ
 Омыть себя отъ грязныхъ дѣлъ!
 Но что-жь окажется на дѣлѣ?
 Мы Бога обмануть хотимъ:
 Мы маску постную надѣли
 И лицемѣримъ передъ Нимъ!
 Въ церквахъ мы шепчемъ боязливо:
 «Не вниди въ судъ съ Своимъ рабомъ»...
 И—«да исправится»—фальшиво,
 Невсправимые, поемъ!

Л. М. Шульгину.

23-го іюля 1849 г.

Сбылось, сбылось мое пророчество, Шульгинъ:
 Ты съ лихвой платишь долгъ царю и государству,
 Какъ честный офицеръ, какъ добрый гражданинъ,
 Ты другомъ сталъ добра и личный врагъ коварству!
 Приятно слышать мнѣ, приятель мой, какъ ты

Полезно трудиться на благо просвѣщенья,
 Какъ исправляешь ты и нравы и мосты,
 Заборы, общества, дороги и строенья!
 Трудись пока умъ свѣжъ и бодръ могучій духъ,
 Держися правила, какъ человекъ разумный:
 Что лучше, хоть въ глуши, оставить добрый слухъ,
 Чѣмъ похнуть безъ толку въ столицѣ нашей шумной!

С я е р ъ .

(Старая погудка на новый ладъ).

1750 г.

Однажды въ древности съдой,
 Въ началѣ вѣка,
 О первенствѣ между собой
 Заспорили всѣ члены человека:
 «Никто не отобьетъ мои права!»
 Кричала громко Голова.

«Я старшая надъ всѣмъ; природа такъ рѣшила
 И потому меня всѣхъ выше помѣстила.
 Во мнѣ престолъ души; разсудокъ—царь всему;
 Во мнѣ и взоръ, и слухъ, и вкусъ, и обонянье,
 Даръ слова... все покорствуешь уму;
 На мнѣ лежитъ вѣнецъ созданья!
 Чтѣ-бъ было безъ меня? Во мнѣ все родилось:
 Художества, искусства и науки»....
 — Нѣтъ, голова, ностой! Не поднимай свой носъ!
 Кричатъ обиженны Руки.
 — Безъ насъ не сдѣлала-бъ ты ничего во вѣкѣ!
 Все, все у насъ въ рукахъ!... Руками все берется....
 И чтѣ такое человекъ,
 Когда отъ рукъ онъ отобьется?
 Съ мечомъ въ рукѣ—онъ побѣдитъ весь миръ;
 Руками хлѣбъ насущный добываютъ,
 И золото—земной кумиръ,
 Предъ кѣмъ всѣ голову склоняютъ,
 Все тѣ-же руки доставляютъ!
 Куда ни оглянись вокругъ—
 Все дѣло человѣчскихъ рукъ!
 «А мы-то чтожь?—сказали Ноги:
 Вы насъ не ставите ни въ грошъ,
 А вѣдь безъ насъ далеко не уйдешь!
 Намъ дайте мѣсто... Прочь съ дороги!
 Мы все привыкли поирать!
 Какъ, напримѣръ, войскамъ безногимъ воевать?
 Не будь-ко насъ, такъ вы увидели-бы сами,
 Что въ свѣтѣ все пошло-бы вверхъ ногами!»
 — Пойдите! Споръ у васъ идетъ о пустякахъ!

Тутъ Сердце вскрикнуло въ-сердцахъ:
 — Мнѣ, мнѣ отдайте предпочтенье;
 Во мнѣ одномъ душа и животворный жаръ;
 Я двигатель всего, всего безъ исключенья:
 Я—кровоной резервуаръ!
 Безъ сердца родъ людской—презрѣнное творенье!
 Безъ вашихъ рукъ и ногъ, все-жъ человѣкъ живетъ,
 А выньте сердце—онъ умретъ!
 Во мнѣ—огонь любви, при мнѣ молчать разсудокъ...
 — «А я-то что-жъ?»—вдругъ заворчалъ Желудокъ—
 Не худо-бъ и о насъ вамъ рѣчь завести:
 Хоть я не на виду, но все же, какъ ни есть— .
 Необходимо людямъ ѣсть;
 А если человѣкъ меня кормить не станетъ,
 Того гляди и ноги онъ протянетъ!
 Вы, братцы, не шутите мной:
 Изъ хлѣба, говорятъ, трудится родъ людской,
 А хлѣбъ-то—для меня, такъ стало,
 Во мнѣ одномъ и есть животное начало!
 Вы сыты—оттого и расхрабрились такъ,
 А что-то скажете вы завтра, на-тощакъ?
 Нѣтъ, господа, я вашъ фундаментъ...
 Я—провиантскій департаментъ!
 Неблагодарные! Не даромъ я сержусь;
 Вы вспомните: во время ночи
 Всѣ члены спать, а я безъ отдыха тружусь,
 Какъ низкій вамъ чернорабочій!
 Вы захвораете, такъ я же виновать,
 Терплю въ чужомъ пиру похмѣлье:
 Изъ вашихъ глупостей, хоть радъ, пли не радъ,
 А долженъ принимать всѣ гадости и зелья!
 Еще позвольте вамъ сказать,
 Что кто умѣетъ здѣсь кормить да угощать,
 Такъ ваша братья тутъ на все готова:
 И Сердце—ни гу-гу, и Голова—ни слова,
 И Ноги шаркаютъ, и Руки руку жмутъ!...
 — Молчи, животное! всѣ закричали тутъ:
 — Тебя заставимъ мы смириться!
 И члены всѣ пошли къ Юпитеру судиться.
 Въ то утро, говорятъ, всесильный богъ боговъ
 Былъ самъ желудкомъ нездоровъ.
 Онъ, дѣло выслушавъ, нахмурилъ бровь
 И молвилъ: «что мнѣ вамъ сказать на это?
 Точь въ точь, какъ члены вы инаго комптета:
 Шумите, спорите, а все изъ пустяковъ!
 Всѣ благородны вы, хоть вышли всѣ изъ грязи,
 И первенства вамъ нечего искать:
 Въ природѣ все должно быть въ неразрывной связи
 И созданы вы всѣ другъ другу помогать»....
 Но тутъ Юпитеръ вдругъ уйти поторопился—
 И этотъ важный споръ ничѣмъ не разрѣшился.

С м е р т ь х о л о с т я н а .

(Отрывокъ).

Выходить духовникъ съ дьячкомъ
 Отъ старика полуживаго;
 Родня, съ нахмуреннымъ лицомъ,
 Толпится около больнаго.
 Наслѣдники ковчины ждутъ,
 Готовяť за-живо помянки,
 Глаза себѣ платками труть,
 А въ нихъ не видно ни слезинки.
 Межъ тѣмъ, страдальца-старика
 Сухая грудь едва дышала;
 Его холодная рука
 Чего-то вкругъ себя искала;
 Съ тоской металась голова
 И, тусклыми вода очами,
 Шепталъ несвязныя слова
 Онъ посинѣлыми губами!
 Вблизи стоялъ угрюмый врачъ,
 Крутя цѣпочку часовую....
 Такъ надъ преступникомъ палачъ
 Готовить цѣлю роковую.
 Онъ репутацію имѣлъ
 Какъ докторъ ловкій, осторожный...
 И въ миръ безвѣстный онъ умѣлъ
 Снабдить больнаго подорожной.
 Онъ былъ въ душѣ гомеопатъ;
 Имѣлъ особую методу:
 Болѣзни всякой этотъ хватъ
 Давалъ полнѣйшую свободу...
 И какъ-бы ни страдалъ больной,
 Ему онъ пособлялъ едва-ли:
 Поправится—такъ самъ собой,
 А нѣтъ—такъ поминай какъ звали!
 Справляя въ деревянный домъ
 Своихъ больныхъ лѣтъ двадцать слишкомъ,
 Онъ «уморительнымъ» трудомъ
 Завелся каменнымъ домишкомъ.
 Страннѣй всего, что этотъ домъ
 Случайно помѣщался рядомъ
 Съ аптекой и гробовщиномъ....
 Тутъ, обезпеченный подрядомъ,
 Съ сосѣдями нашъ врачъ лихой
 Жилъ хорошо....

Но вотъ, больной
 Замолокъ, затихъ, угомонился,
 Поникъ сѣдою головой
 И въ лучшій миръ переселился!

* *

Старикъ, старикъ! Зачѣмъ ты живъ?
 Къ чему твое предназначенье?
 Зачѣмъ богатства накопишь?
 Кому достанется имѣнье?
 Скупой, бездѣтный холостякъ,
 Ты чуждъ былъ наслажденьямъ чистымъ....
 И прожилъ вѣкъ свой кое-какъ,
 Холоднымъ, черствымъ эгоистомъ!
 Друзей ты не нашелъ ни въ комъ;
 Съ родней былъ сухъ и остороженъ;
 Свой домъ держалъ ты подъ замкомъ,
 А къ сердцу ключъ былъ невозможенъ!
 Не сдѣлавъ никому добра,
 Ты умеръ... всѣ, единогласно,
 Рѣшили, что—давно пора,
 Что даже ты и жилъ напрасно!
 Такъ на землѣ тебѣ пришлось
 Сыграть въ ничью.... судьба такая!
 Но лучше-ль было-бы—вопросъ,
 Когда-бъ пора пришла другая?
 Женился-бъ ты.... Какой расчетъ?
 Съ дурной—бѣда, съ красивой—вдвое:
 Жена—красотка, мужъ—уродъ....
 Понятно слишкомъ остальное.
 Положимъ, былъ-бы ты отецъ—
 Да, что-жъ бы выигралъ ты этимъ?
 Брюзга суровый и скупецъ
 Не можетъ быть пріятель дѣтямъ.
 Прощай, старикъ! Лежи-себѣ!
 Къ твоей могилѣ путь заглохнетъ....
 И даже завтра о тебѣ
 Никто не вспомнитъ и не охнетъ!
 Но ты-ль одинъ? Года идутъ
 И съ ними люди исчезаютъ....
 Всѣмъ «память вѣчную» поютъ,
 А не о многихъ вспоминаютъ.

1851 г.

Президенту республики французской.

1851 г.

Не задирай свой носъ ты отъ своихъ продѣлокъ!
 Тебѣ помогъ нашъ безтолковый вѣкъ:
 Ты—не великій человѣкъ,
 А твой народъ сталъ слишкомъ мелокъ!

2-е декабря 1852 года.

(Посланіе къ Галламъ).

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, безъ исключенья,
 Какъ ты, въ нашъ вѣкъ, смѣшно улазъ!
 Къ чему вели тебя всѣ бунты и волненья?
 Ты изъ огня да въ полымя попалъ.
 Гдѣ-жъ эта спорная, несчастная свобода?
 Гдѣ-жъ ваша къ вольности любовь?
 Гдѣ братство, равенство, права народа—
 Изъ-за чего свою вы проливали кровь?
 Теперь вы новому властителю такъ рады,
 Вы головы предъ нимъ рѣшились преклонить....
 Зачѣмъ-же строили вы ваши баррикады?
 «Зачѣмъ-же огородъ вамъ было городить?»
 Колпакъ фригійскій прочь! Долой пгрушки эти!
 И, правду-матку говоря:
 Вы не сыны отечества, а дѣти....
 Лагушки вы, просаяція царя!
 Король Филиппъ чурбаномъ вамъ казался:
 Прогнали вы его не въ добрый часъ....
 Теперь, наоборотъ, такой вамъ гусь попался,
 Что цаплей сдѣлался для васъ!
 И вы всѣ съезжились, хвосты свои поджали,
 Склеили для него опять разбитый тронъ
 И раболѣпно закричали:
 «Да здравствуетъ Наполеонъ!»
 Кричите громче ... Бѣсноваться
 Привыкъ ты, взбалмошный народъ....
 Наполеона вамъ втораго не дожидаться,
 А третій васъ къ добру не приведетъ!

22-е октября 1853 года ¹⁾.

(Посвящается Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу
 Александрѣ Николаевичу).

Давно-ли Турціи Россія не страшна?
 Откуда дерзости набрались оттоманы?
 Давно-ль побѣдные штаны и знамена
 Переносили мы за грозные Балканы?
 Или напомнить имъ былыя времена,

¹⁾ Эти стихи были первыми, по времени, патриотическими стихами на войну 1853 — 1856 гг. Они удостоились особеннаго вниманія Государя Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), дозволившаго посвятить ихъ своему имени.

Мѣста—свидѣтели кровавыхъ споровъ,
 Гдѣ обезсмертили на вѣки имена
 Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ?
 Еще-ли Турція не знаетъ русскихъ силъ!
 Забыла Наваринъ, Чесму, Адрианополь,
 Очаковъ и Багуль, Браиловъ, Измаилъ—
 И бой недавній, гдѣ едва не отворилъ
 Своихъ воротъ Константинополь?
 И смѣетъ Турція намъ объявлять войну!
 Или въ заблужденіи она по волѣ рока?
 Или нашло затмѣнье на луну?
 Или къ паденію близка звѣзда востока?
 «Боль Турція сама насъ вызвала на бой.
 За дѣло правое на брань вооружимся
 И въ упованіи на Господа душой
 Во вѣки мы не постыдимся!»
 Съ любовію къ царю и съ вѣрой во Христа
 Пойдемъ! И насъ спасутъ во время грозной битвы
 Святаго благодать всесильнаго креста
 И церкви православныя молитвы!

М о я и с п о в ѣ д ѣ ¹⁾.

(Посвящается Петру Андреевичу Каратыгину).

Благодарный, безъ жеманства
 Я знакомымъ всѣмъ твержу,
 Что по милости дворянства
 Дома бариномъ сижу....
 А не то-бы, по неволѣ,
 Свѣренній надѣвъ кафтанъ,
 Мнѣ пришлось на бранномъ полѣ
 Турокъ бить, да англичанъ!
 Радъ-бы тѣломъ и душою,
 Радъ-бы послужить царю....
 Но, въ борьбѣ съ подагрой злою,
 Я-ли воинномъ смотрю?
 Не съ мнѣмъ маіорскимъ пузомъ

¹⁾ Стихи великолудскаго помѣщика А. Н. Креницына, подъ псевдонимомъ «Барона Пузина». По болѣзни онъ отказался принять начальство надъ дружиною псковскаго ополченія, до котораго, впрочемъ, въ 1855 году не дошла очередь. Креницынъ — умеръ 28-го августа 1865 года въ Псковской губ., въ своемъ селѣ Мишиевѣ. Это былъ весьма образованный человѣкъ, имѣлъ обширную бібліотеку и весь погруженъ былъ въ литературу и политику. Замѣтки о немъ и его стихотвореніяхъ помѣщены нами въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 г., книга XVI.

Воевать, маршировать,
 Сдуру гнаться за «ранцузомъ»,
 Англичанина сломать!
 Недругъ «вытяжки» печальной
 И «носковъ» закалтый врагъ,
 Вялъ мнѣ «маршъ церемоньяльный»,
 Не по вкусу «бѣглый шагъ»!
 Не терплю орудій гула,
 И, краснѣя, сознаюсь,
 Что ружейнаго я дула
 Пуще старыхъ бабъ боюсь....
 Чуждъ душой трубы военной,
 Чуждъ и распрей и тревогъ!
 Изъ всѣхъ боговъ всеенной
 Не по мнѣ лишь браней богъ!
 Крови я не проливаю;
 Домосѣдъ и гастрономъ,
 Если кровь гдѣ допускаю
 То лишь въ ростбѣжѣ одномъ!
 Служба—вѣтренная дама,
 Слѣхъ иль слезы, гробъ иль бѣлъ;
 Для инаго—взиграма,
 Для другаго—мадригалъ!
 Кто—на службѣ веселится,
 Кто—отъ службы радъ бѣжать..
 Вѣдь не даромъ говорятъ:
 Служба—мачиха и мать.
 Мнѣ-жъ на лонѣ музъ и дружбы,
 Съ чистой совѣстью вдвоимъ,
 Хорошо мнѣ и безъ службы
 Въ тихомъ уголкѣ моемъ!
 Рабства памятно мнѣ ложе,
 Горя памятенъ мундиръ
 И съ его татарской рожей
 Полковой мой командиръ!
 «Фрунтъ—основа просвѣщенья!»
 Скалозубъ рѣшилъ давно....
 Я стыжусь такого мнѣнья:
 Глупо черезчуръ оно!
 Въ простотѣ великолуцкой,
 Я, ей-ей, не виновать,
 Что мнѣ ножъ—«уставъ рекрутской».
 Что такъ близко мнѣ солдатъ!
 Человѣкъ миролюбивый,
 Съ горемъ пополамъ поэтъ,
 Не нахальный, не свѣсивый
 Гражданинъ, анахоретъ!
 Не съ моимъ пытливымъ взглядомъ
 На природу и людей,

Тратить время надъ прикладомъ
 Или пригонкою ремней!
 Дико для меня капральство,
 Скалозубъ не по плечу,
 Слово чуждо мнѣ «начальство»—
 На распашку нитя хочу!
 Пусть слыву я либераломъ!
 Честь, какъ родину, любя,
 Предъ невѣжей-генераломъ
 Постояю я за себя!
 Аксельбантамъ, эполетамъ,
 Наглецу и прошлецу,
 Лестъ мнѣ сыпать-не по лѣтамъ...
 Дѣлать оруцъ—мнѣ не къ лицу!
 И еще разъ, вамъ, дворяне,
 Благодарность приношу,
 Что, какъ наши ополчанае,
 Я кафтана не ношу!

20-го ноября 1855 г.

Баронъ Пузынь.
 (А. Н. Крепичинъ).

О т в ѣ т ъ .

(27-го февраля 1856 г.).

Ты правъ, ты правъ, почтенный Пузынь.
 Что въ ополченье не пошелъ:
 Для фронта ты ужъ слишкомъ грузенъ
 И больно на подъемъ тяжелъ!
 И безъ тебя нашлось довольно
 За Русь, за вѣру воевать
 И нѣхота и добровольно
 Свой лобъ подъ пулю подставлять!
 «Стальной щетиною сверкая»,
 Не испугали мы враговъ;
 Живя безопасно, Русь святая
 Не запасла и штудеровъ...
 Плохія вышли намъ игрушки;
 Враги заморскіе хитры:
 У нихъ—ланкастерскія пушки,
 У насъ—штыки да топоры!
 У нихъ—железные дороги,
 Флотъ съ Архимедовымъ впитомъ....
 Тутъ, какъ ни будь здоровы ноги,
 Не угоняться за врагомъ.
 Была пора, какъ въ чистомъ полѣ
 Умѣла Русь попрововать;

Туда не вызовешь ужъ боѣ
 Заморскихъ нехристей опять!
 А онъ, злодѣй, людей не тратитъ:
 «На то-де пушки намъ даны!»
 Но на Руси головъ не хватить
 Для этой пушечной войны...
 Пришлось тутъ не подѣ силу нашимъ,
 Неравенъ былъ кровавый пиръ:
 Мы только топорами машемъ,
 А въ насъ валяютъ изъ мортиръ!

. . . . .
 Миръ заключать, и христіане
 Молебны станутъ пѣть въ церквахъ;
 Въ мечетахъ также мусульмане
 Провозгласятъ: «великъ Аллахъ!»
 Вотъ кровь ужъ болѣе не льется,
 «Восточнаго вопроса» пѣть...
 Теперь вопросъ: кому придется
 Дать Богу за него отвѣтъ?
 И вотъ, псковское ополченье
 Ни съ чѣмъ домой къ себѣ придетъ...
 Такъ, правъ ты, Пузинъ, безъ сомнѣнья,
 Что поберегъ, братъ, свой животъ!

Льстецу стихоплету.

Мартъ 1856 г.

Пріятель, ты себѣ опять подачки просишь...
 Но только въ этотъ разъ кому ты угоднѣе?
 Ты стараго царя бессмысленно поносишь
 И новому царю безсовѣстно кадишь!
 Но кто бранить отца, тотъ оскорбляетъ сына...
 Такъ благосклоннаго не жди себѣ словца...
 Въ твоихъ стихахъ не духъ свободный гражданина,
 А ладонъ приторный ничтожнаго льстеца!

25-го марта 1856 года.

Въ день Благовѣщенья великій и святой,
 Какъ новый Гавриилъ, нашъ Царь христіолоубивы
 Благовѣствуетъ намъ и радость и покой
 И осѣняетъ Русь оиъ мирною оливой!
 И въ умиленіи признательный народъ
 Творить въ церквахъ хвалебныя молитвы
 И многогѣтіе Державиному поеть....

И память вѣчную—кто палъ на полѣ битвы...
 «Сердца царей въ десницѣ Бога снѣзь»...
 По сердцу прекратилъ Царь бранную тревогу....
 «Не побѣдилъ насъ врагъ, вражду Онъ побѣдилъ!»
 Миръ людямъ на землѣ и слава въ вышнихъ Богу.

Столѣтіе русскаго театра.

1756—1856 гг.

1.

Столѣтній юбилей нашъ театральнѣй
 Былъ праздникъ истинно печальный....
 И о театрѣ я могу сказать одно:
 Онъ, вѣку не доживъ, состарѣлся давно!

2.

Маститый Жихаревъ—неважный хоть писатель.
 Но важенъ онъ по древности своей...
 Чтобы отпраздновать столѣтній юбилей,
 Намъ нуженъ былъ столѣтній предсѣдатель!

Дебютъ Н.....на.

27 го апрѣля 1856 г.

Случалось-ли вамъ видѣть барскій домъ,
 Въ которомъ нѣкогда хозяинъ жилъ на славу?
 Искусство, вкусъ и умъ видны были во всемъ
 И уваженъ всѣхъ онъ приобрѣлъ по праву....
 Въ томъ домѣ чудные бывали вечера;
 Что день—то наслажденью празднествъ....
 Но вотъ прошла его блестящая пора—

И золото смѣнила мишура,
 А, вмѣсто барина, въ дому—купецъ-лабазникъ.
 Сваружи тотъ-же домъ; за то внутри—

Хоть не смотри!

Вчера случилось мнѣ въ театрѣ видѣть
 Кой-что... да не хочу я никого обидѣть:

Воровѣ мудроно въ гнѣздѣ орлиномъ быть...

Но я молчу, чтобы гусей не раздражить!

Сенковскому ¹⁾.

Сенковскій не плѣшивъ, но все-жъ сдается намъ,
 Что доказательства его—не аксіома,
 И если объ умѣ судить по волосамъ,
 То выйдетъ, что Сократъ глупѣй Авессалома.

Король Лиръ.

Когда-то «дурака» игралъ артистъ намъ въ «Лиръ».
 Теперь онъ взялъ другую роль
 И изъ шута вдругъ сдѣлался король!
 Вотъ такъ-то все превратно въ мирѣ...
 Какъ пораздумаешь—увѣришься въ одномъ
 (Но это только между нами):

. . . . .
 . . . . .

Парусъ ²⁾.

14-го февраля 1859 г.

Какъ на матушкѣ, на Москвѣ-рѣкѣ,
 Разыгралася погодушка!
 Бѣлый «Парусъ» развернулся тамъ,
 На раздольи, на свободушкѣ!
 Расходился тамъ славянскій умъ,
 Вспомни время до-петровское;
 Потягаться въ правѣ съ Питеромъ
 Захотѣла мысль московская,
 Бросить слово, но не на вѣтеръ,
 Ради просвѣщенья прочнаго...
 И вотъ «Парусъ» понатужился
 Съ вѣтру сѣверо-восточнаго!
 Хлещетъ «Парусъ» насъ со всѣхъ сторонъ,
 Что мы «войлоки и неучи!»
 Правда, точно, вещь хорошая,
 Да скажи ее умѣючи!
 Любо плыть на вольномъ «Парусѣ»,

¹⁾ Въ какой-то статьѣ «Библиотеки для Чтенія» Сенковскій доказывалъ, что обиліе волосъ на головѣ—признакъ умственной развитости.

²⁾ Органъ московскихъ славянофиловъ съ И. С. Аксаковымъ и Полюдинымъ во главѣ; изданіе было запрещено послѣ перваго же номера.

Гдѣ пути для насъ свободныя...
 Но неиди-же сломя голову
 Тамъ, гдѣ камни есть подводныя!
 Допнулъ «Парусъ» съ первымъ выгѣдомъ!..
 Не расчелъ пловець заранѣе:
 «Ольха исподволь сгибается,
 «Вкрутъ гибкій вязъ ломается!»

Нестору Кукольнику.

(Отвѣтъ на приглашеніе сотрудничать въ «Весельчакъ».)

Благодарю тебя за лестное посланье;
 Но льстивой рѣчью ты не обольщай меня...
 Я, право, устарѣлъ для новаго изданья—
 И вижу, что во мнѣ вѣтъ прежняго огня!
 Была пора и весело шутилось
 (Шутить нельзя-же цѣлый вѣкъ),
 Тогда все тѣшило, живѣе сердце билось;
 Но скучный весельчакъ—отсталый человѣкъ.
 Такіе шутники бываютъ слишкомъ жалки;
 Боюсь, чтобъ и я на нихъ не походилъ...
 А мудрено-же быть веселымъ изъ-подъ палки—
 Не хватить ни ума, ни времени, ни силъ.
 Такой обманъ Плюшару¹⁾ былъ-бы горекъ!
 Ты самъ-бы, какъ Гамлетъ, сказалъ потомъ:
 «Гдѣ шуточки твои, мой бѣдный Йорикъ?»
 И посмѣлся бы надъ пошлымъ острякомъ.
 И что писать? Надъ чѣмъ шутить и забавляться?
 Мы ополчились на «брань» .....

Мы, какъ Искандеры, хотимъ надъ всѣмъ ругаться
 И чуть не «родственно» отечество бранимъ!
 Ужели въ этомъ нашъ прогрессъ и просвѣщенье?
 Не этимъ-ли хотимъ вступить съ Европой въ связь?
 И такъ на Западъ все русское въ презрѣнны,
 А мы еще сильнѣй родное топчемъ въ грязь!
 Клевещемъ на себя все гнусное и злое,
 Кричимъ, что ни души, ни совѣсти въ насъ вѣтъ....
 И птица не грязнить гнѣздо свое родное,
 А мы.... мы пачкаемъ себя на цѣлый свѣтъ!
 Какой тутъ «Весельчакъ»? Тутъ легкой шутки мало;
 Веселой остроты ужъ время, братъ, прошло...
 Такую соль подай, чтобъ горла ободрало,
 И въ носъ бы кинулось, и за сердце зажгло!

¹⁾ Издатель «Весельчака» вмѣстѣ съ Сенковскимъ.

Куда тутъ мнѣ?!.. Какой я литераторъ?!
 Я—человѣкъ простой... безъ толку не кричу...
 Не желчный либераль, не красный агитаторъ...
 Шучу—воль весело, а скучно—замолчу!

«В е с е л ь ч а н ь».

Ну вотъ, «Весельчака» прочелъ я первый номеръ—
 Однако-жь со смѣху никто изъ насъ не умеръ....
 Въ насмѣшку назвали журналъ «Весельчакомъ»—
 И кажется, что насъ, подписчиковъ, дурачатъ:
 Плюшару весело съ Брамбеусомъ вдвоемъ,
 Намъ вовсе не смѣшно, а деньги наши плачутъ!

«Сѣверная Пчела» подъ новой редакціей.

Читая нынѣшнюю «Пчелку»,
 Спросить хочу я, подъ рукой,
 Скажите: что-же въ этомъ толку,
 Что въ ней редакторъ сталъ другой?
 Чѣмъ онъ газетѣ улучшаетъ?
 Не въ томъ-ли весь ея прогрессъ,
 Что старое она ругаетъ,
 А новое возносить до небесъ?
 Хоть противъ прежняго она и шире стала,
 Но не прибавилось ума въ ней ни на грошъ,
 И тутъ пословицу невольно приведешь:
 «Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!»

(Продолженіе слѣдуетъ).